

НЕКОТОРЫЕ ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ СИБИРИ

Изменение закономерностей сочетаемости звуков в потоке речи оказывает свое непосредственное влияние на парадигматику фонем, расширяя или сужая возможность их противопоставления, а так же на алломорфное варьирование, что оказывает влияние и на структуру морфологических парадигм.

В тюркских языках Сибири (а так же в некоторых кыпчакских языках – киргизском, казахском и др.) идет процесс, который можно охарактеризовать как перенос фонотактических закономерностей, свойственных односложной корневой морфеме, на межморфемные консонантные сочетания.

Согласные сочетаются между собой по определенным схемам, характеризующим как отдельные языки, так и типы языков. Для языка тюркских рунических памятников внутри односложной корневой морфемы было возможно только сочетание сонорный + шумный: *elt* 'тянуть', *alp* 'герой', *türk* 'тюрк', *qırq* 'сорок' и, реже, – шумный спирант + шумный смычный: *ast* 'низ'.¹ Эта закономерность сохранилась и в современных тюркских языках. Так, в односложных словах в казахском языке зафиксировано 17 двухэлементных сочетаний согласных, самыми предпочтительными в первой от гласного ядра позиции являются сонанты: они встречаются в 16 из 17 сочетаний, во второй позиции употребляются только шумные согласные. Подобная картина и в каракалпакском: в 92,3% случаев первую позицию занимают сонанты, во второй позиции – только шумные согласные.² Но на морфемных швах в языке рунических памятников были возможны сочетания шумный глухой + шумный звонкий, шумный звонкий + шумный глухой, шумный + сонорный, сонорный + шумный глухой, сонорный + шумный звонкий. В древнетюркском процессы варьирования консонантноначальных аффиксов в зависимости от исхода основы затрагивают только шумные согласные: *tap-dim*, *aş-dī-miz*, *olur-t-dī*, *az-ti*, *sub-qa* и т.д.

В рунических текстах еще сохраняются сочетания по принципу диссимиляции (контрастной сочетаемости), что могло служить пограничным сигналом на морфемных швах и поддерживало прозрачность морфемной структуры слова. Высокая частотность со-

норных в анлауте аффиксов, при ограниченном их употреблении в анлауте слова (вторичный характер анлаутного *m-*, *n-* только в одном тюркском корне *ne* и в производных от него; возможность того, что *j-* выступает как шумный спирант; отсутствие в собственно тюркской лексике *l-* и *ɾ-*) тоже служила своеобразным маркером аффиксальной морфемы.

Позиции согласных в языке древнетюркских памятников

Позиция в слове Согласные	Анлаут слова	Ауслаут	Анлаут аффиксов
b	b	b	– (в постпозитивных частях)
p	p*	p	p
m	m**	m	m
d(δ)	–	d	d (обычно как вариант t)
t	t	t	t
n	n**	n	n
k ~ q	k ~ q	k ~ q	k ~ q
g ~ ɣ	–	g ~ ɣ	g ~ ɣ
ŋ	–	ŋ	ŋ
j	j	j	j
č	č	č	č
ń (ǰ)	–	ń (ǰ)	–
s	s	s	s
š	š*	š	s
z	–	z	z**
n	–	n	n
l	l*	l	l
ɾ	–	ɾ	ɾ

* – в заимствованных словах;
** – встречается редко

Возникший в ряде тюркских языков запрет на сочетания типа шумный + сонорный на морфемных швах привел к серьезным сдвигам как на фонологическом, так и на морфологическом уровнях. В результате действия этого запрета вместо одновариантных аффиксов (по начальному согласному) возникают многовариантные аффиксы.

Одним из результатов этого процесса стало изменение парадигматической иерархии грамматических показателей, имевших в древнетюркском языке в анлауте сонорный согласный, в первую очередь это затрагивает аффиксы, имевшие в др.т. в анлауте *m-*; рассмотрим это на примере глагольного аффикса отрицания *-ma*.

В.Банг видел в этом аффиксе остатки исчезнувшего глагола, который начинался с *m-* и который обозначал что-то вроде 'упускать'; *m-* в анлауте этого аффикса восстанавливает и Г.И.Рамstedт.³ В др.т. *-ma* / *-mä* отрицательная основа глагола: *qılma* 'не делать', *ölür-mä* 'не убивать', и часть сложных аффиксов отрицательных инфинитных форм: *-maz*, *-malı*, *mazyan* и др.⁴

В современных языках Южной Сибири этот аффикс имеет основной вариант (в качестве основного принимается вариант, употребляемый после гласного основы) *-ба* ~ *-ва*: *тофский сана-ва* 'не читать', *бер-бе* 'не давать', *ал-ба* 'не брать', *алыс-па* 'не поддаваться'.

Вариант *-ма* может появиться только после основ, заканчивающихся на *-н*: *хаактан-ба-* (~ *хаактан-ма-* 'не кататься на лыжах').⁵

Тувинский:

-па // *-пе* после шумных согласных,

-ба // *-бе* после л, р, й, г,

-ва // *-ве* после гласных и

-ма // *-ме* после м, н, ң: *тут-па* 'не держать', *ал-ба* 'не брать', *бода-ва* 'не думать', *мун-ма* 'не ехать верхом'.

В западном и переходном диалектах тувинского языка в позиции после *-м* и *-н* появляется *n-*: *үөм-пе* 'не закапывать', *сагын-па* 'не вспоминать'.

Хакасский:

– после основ на гласную и сонорные р, п, г, й употребляется вариант *-ба* // *-бе*: *сине-бе* 'не измерять', *пар-ба*, *хал-ба*;

– после основ на *-н*, *-нь*, *-м* употребляется вариант *-ма*//*-ме*: *айлан-ма* 'не возвращаться', *сом-ма* 'не купаться';

– после основ на шумный согласный идет вариант на -па // -пе: сат-па 'не продавать'.⁷

Алтайский:

– после основ на гласный употребляется вариант -ба // -бе // =бо // -бб: иште-бе;

– после основ на р, л, й – -ба // -бе // =бо // -бб: кел-бе, бар-ба;

– после основ на шумный – употребляются варианты с начальным п.⁸

В якутском языке отрицательный аспект глагола образуется при помощи афф. -ма // -ыма;

ыгаа- ~ ыгаа-ма 'плакать – не плакать',

санаа ~ санаа-ма 'думать – не думать',

киир ~ киир-име 'входить – не входить'.⁹

Но такой способ присоединения к основе, заканчивающейся на согласный, аффикс отрицания имеет далеко не во всех глагольных формах.

В форме отрицательных причастий настоящего времени на -бат и прошедшего времени на -батах показатель отрицания как бы утрачивает связь со своим исходным вариантом и в позиции после гласного употребляется уже как шумный согласный: кэпсээ=бэт, аһаабат; ыл=бат, бар=бат – оглушаясь после глухого шумного согласного основы: тик-пэт, аах-пат; и т.д.

Т.е. якутский не пошел столь последовательно, как другие южносибирские языки, в смене основного варианта аффикса глагольного отрицания. Ср. форму отрицательного деепричастия в якутском с другими тюркскими языками Сибири: в большинстве тюркских языках одна отрицательная форма и для деепричастия на -ын, и для деепричастия на -а: др.т. =майын; тув. -байн; тоф. бейн; хака. бин; шор. баан, алт. сев. диал. -бийн, южн. -май; як. -ымына.

Таким образом, если отрицательный аффикс находится в структуре вторичного аффикса, который присоединяется к глагольным основам, заканчивающимся на согласный при помощи соединительного гласного, то -м- в структуре этого аффикса сохраняется. Если же отрицательный компонент входит в структуру вторичного аффикса, который присоединяется к глагольной основе, непосредственно, то м>б, даже в позиции после гласного основы. Южносибирские языки полностью сменили основной вариант с шумным согласным в анлауте, якутские – частично.

Тот же процесс – десоноризация анлаута для аффиксов с переднеязычными согласными н- и л- – фиксируется в южносибирских

языках на более ранних ступенях изменения. В южносибирских языках падежная система представлена преимущественно кыпчакским и уйгуро-кыпчакским подтипами, т.е. аффиксы в безличной парадигме имеют консонантноначальные варианты.¹¹ Поэтому можно проследить за изменениями начального н- аффиксов на примере винительного и родительного падежей.

В древнетюркском языке винительный падеж после согласных был представлен афф. -^oу, -^og, очень редко -nī, -nī, ^on – в личноподлежащей парадигме, после гласных – -nī // -nī, родительный -iŋ // -iŋ, -iŋ // -iŋ после согласных; -nīŋ // -nīŋ после гласных. Т.е. в древнетюркском уже сказывается тип близкий современным огузским языкам – выбор консонантноначального или вокальноначального варианта аффикса в зависимости от исхода основы. Унаследовал этот тип и якутский язык: -ны (-ни, -ну, -нү) после гласных, -ы (-и, -у, ү) после согласных.

В южносибирских тюркских языках варианты падежных аффиксов (по начальному согласному) образовывались в результате действия двух закономерностей: 1) нельзя, чтобы после шумного согласного основы употреблялся сонорный; 2) различные закономерности сочетания между собой сонорных – поэтому после шумных возникает вариант аффикса с шумным анлаутом: -ты вин.п., -тын род.п., во всех остальных позициях сохраняется н-.

Тофский род.п.:

-тын (-tīn, -туң, -түң) после шумных: аът-тын, зът-тин, эш-tīn и т.д.; -нын (-nīn, -нуң, -нүң) после гласных и всех сонантов: даг-нын, ай-нын, кар-нын, чаа-нын;

вин.п.:

-ны (ni, -ну, -нү), если основа оканчивается на любой гласный и сонант: суг-ну, һам-ны, ай-ны, чаа-ны;

-ты (ti, tu, тү) – если основа оканчивается на шумный согласный: балык-ты, зът-ти.¹²

По этому же типу меняет форму аффиксов чулымско-тюркский язык, встречается этот тип в хакасском, но в сагайском после -р, -л появляется вариант со звонким шумным -дың, -ды; т.е. зона шумных аллофонов раздвигается, этот процесс идет уже под влиянием запретов на сочетаемость сонорных. В тюркском шумные варианты появляются уже после -г, -й, -л, -р. В алтайском языке аффиксы с шумным в анлауте появляются после двойного узкого уу ~ үү: черү-динь, черү-ди; после р, л, й: мал-дың, мал-ды. Вини-

тельный падеж с шумным в анлауте появляется после -н, -нъ, -м: таан-ды, но таан-нынъ, анъ-ды, но анъ-нынъ.¹³

Н.А.Баскаков в туба-диалекте отмечает факультативные варианты -нынъ // -дынъ, -ны // -ды после согласного основы.¹⁴

Такие же варианты встречаются в шорском диалекте хакасского языка: түлгү-дің 'лисицы'¹⁵; акча-ды ~ акча-ны 'деньги'; пуза-ды ~ пуза-ны 'теленка'

Из-за расширения зоны аллофонов с шумным согласным в анлауте они постепенно выдвигаются в позицию основного варианта морфемы.

Примечания

1. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII-IX вв.). Л.: Наука, 1980, с. 75.

2. Авазбаев Насибай. Фонотактическая структура односложных слов во флективных и агглютинативных языках. Автореферат диссертации на соискание уч. звания доктора филол. наук. С.-П., 1992, с. 23-24.

3. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (глагол). Л.: Наука, 1981, с. 98.

4. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969, с. 657.

5. Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978, с. 170.

6. Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А. Грамматика тувинского языка. М.: Изд-во вост. лит., 1961, с. 294.

7. Дыренкова Н.П. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948, с. 72.

8. Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940, с. 155.

9. Грамматика современного якутского языка. М.: Наука, 1982, с. 226.

10. Там же, с. 217.

11. Благова Г.Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. М.: Наука, 1982, с. 49-52.

12. Рассадин В.И. Там же, с. 30-31.

13. Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка, с. 67.

14. Баскаков А.Н. Диалект черневых татар. М.: Наука, 1966, с. 60.

15. Межекова Н.Н. Шорский диалект // Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973, с. 58.